

«Изобретение» архитектуры: Адам прикрывает руками голову после изгнания из Рая.
Рисунок переписчика из манускрипта Филарете

Антонио Аверлино, прозванный Филарете

ОН СКАЗАЛ: «Я удовлетворен тем, что ты нашел все, что нам понадобится. Теперь нам не остается ничего другого, кроме как распорядиться, чтобы определить, когда будет лучше всего начать строить. Чем раньше, тем более я буду рад». Он хотел узнать об этом у одного из тех астрологов, что занимаются наблюдениями и исчислениями доброго часа и мига для свершения подобных предприятий. Он послал за одним, который был наиболее опытен в такого рода астрологии.

Мой господин обратился к нему следующим образом: «Я намереваюсь построить город. Хочу, чтобы ты сказал мне, когда будет лучше всего начать».

Тот ответил, что с радостью это сделает, и ушел. Своей наукой он вычислил и нашел час, который более всего подойдет для постройки города. Он возвратился и сказал, что он исчислил и нашел час и день, который будет наилучшим для укладки первого камня.

Тогда мой господин сказал: «Скажи мне, когда это будет, этот добрый день и знак».

«В шестидесятый год этого золотого века, в пятнадцатый день апреля, в 21 минуту после 10 будет подходящее время, чтобы уложить первый камень в основание города. В это время восточный земной знак будет восходить при восходе солнца. Правительницей знака является Венера. Фортуна для известного земного знака. Луна есть известный знак. Властительница восходящего счастья, ибо она в своем доме и на восходящей линии. В этот самый миг луна будет воспринята в зените в дом Сатурна, который имеет большую власть над возведением городов. Счастлива из-за триединой природы Юпитера в большой фортуны. Сатурн в его доме счастлив, так как в то же время он в десятом доме и господствует над домом луны. Фортуна, в свою очередь, в десятом доме в отношении полной дружбы, то есть ввиду триединой связи с Юпитером. По всем указанным причинам делается вывод относительно вышеуказанного времени. И день и час полезны и избраны для начала возведения названного города».

Когда мой господин услышал это от своего астролога и постиг, что время строительства близко, он сказал мне следующее. Однако сначала я обратился к нему с такими словами: «Мой господин, поскольку доброе созвездие и миг начнут властвовать еще на этой неделе, я полагаю, что было бы хорошо отдать все распоряжения относительно укладки первого камня».

«Это хорошая мысль. Однако это надлежит обмыслить с разных сторон. Прежде всего, нам не нужно замешательство, неизбежное при множестве народа. С другой же стороны, так как город велик, требуются известные церемонии для начала такого сооружения».

«Я позабочусь об устройстве церемонии образом, какой я полагаю наилучшим, если это отвечает желанию Вашей Милости».

«Это меня удовлетворяет, однако я очень хотел бы знать, какие ты отдашь распоряжения».

«Ваша Милость, распорядок будет следующий. Когда все соберутся у места, где должен быть уложен первый камень, там будут восемь нотаблей по выбору Вашей Милости в некоем избранном месте не слишком вдалеке, и еще там будут музыканты и инструменты. Тогда они подойдут ко всем приготовленным предметам и представят их Вашей Милости. <Вас будут сопровождать> епископ, Ваш сын и я для свершения церемонии».

«Все это мне нравится, но я хочу знать, что это за вещи».

«Я распорядился относительно следующие».

ОСНОВАНИЕ СФОРЦИНДЫ

Из книги четвертой «Трактата об архитектуре»
Незавершенная 2019-1998-10000-С. 14.

Антонио Аверлино, прозванный Филарете (ок. 1400–1469), скульптор и добротный архитектор, требует внимания как один из самых любопытных мыслителей итальянского Возрождения. Когда Филарете завершил свой трактат в 1463 году, до утопии Кампанеллы и Томаса Мора оставалось столетие. Сфорцинда, создаваемая воображением ренессансного мастера, — это не утопический, но идеальный город. Идеальный по меркам своего времени, то есть спланированный с максимальным комфортом и управляемый мудрым государем. Филарете сочинял градостроительную конструкцию, возрождая на бумаге славу Древнего Рима с его площадями, акведуками и канализацией, дворцами, рынками и цирками, без труда соединяя все это с навыками и представлениями флорентийских горожан Кваттроченто. Он создал также довольно изощренную литературную оболочку для еще с иглолки новой идеи возрождения античности.

Строя для герцога Сфорца реальные вещи — новую цитадель, огромный госпиталь, — он в мечтах своих проектирует город и порт в соавторстве с наследником герцога, Джангалеаццо, найдя в тексте свободу от сопротивления коллег по цеху, «старых» мастеров Милана. Трактат об архитектуре — но, истинный человек Возрождения, Филарете пишет обо всем и не упускает ничего, будь то технология оплаты рабочих, расписание занятий учеников воспитательного дома, создание перспективных изображений, меню обеда, устройство охотничьего заказника... Он создает идею парадной лестницы, проектирует вращающуюся башню, продумывает сложнейшую программу Дома Добродетели и Порока, воссоздает висячие сады Семирамиды на прогном дворца, придает ядру паркового комплекса вид карты Мира...

Отталкиваясь от трактата лично ему знакомого Альберти, Филарете вполне самостоятелен в трактовке древних авторов и в собственной творческой концепции, для воплощения которой он собирает в Сфорцинду художников Италии, не упуская из виду и тех, кто по другую сторону Альп, — Рогир ван дер Вейдена, Яна Ван-Эйка, Жана Фуке.

До мозга костей флорентиец, работавший двенадцать лет в Риме, а затем всю оставшуюся жизнь в Милане, Филарете среди немногих друзей и сподвижников называет Аристотеля Фьораванти, того самого, кто через десять лет проектировал новый Кремль и построил Успенский собор для Ивана III. Почти все, что инженер Фьораванти знал об архитектуре, он узнал от Филарете, что делает трактат для нас здесь особенно интересным.

Трактату Филарете надолго досталось забвение, тем более что о нем походя и небрежно отозвался Джорджо Вазари, чьи «Жизнеописания» пользовались безусловным авторитетом не одно столетие. Лишь в конце XIX века списки были обнаружены учеными немцами, удостоившись переложения и цитирования фрагментов. Миланский манускрипт с посвящением Франческо Сфорца сгорел в пожаре в 1944 году, Мадридский список погиб еще ранее, во время гражданской войны в Испании. Уцелел флорентийский экземпляр манускрипта, посвященный покровителю автора — Пьеро ди Козимо Медичи.

В отличие от Альберти Филарете принципиально писал на тосканском наречии, так что некое распространение имело лишь переложение трактата на латынь, выполненное не слишком удачно и со множеством купюр. Лишь в 1960-е годы выходит превосходное двуязычное издание Йельского университета, еще позднее — в Италии, факсимильное, с переводом на современный итальянский.

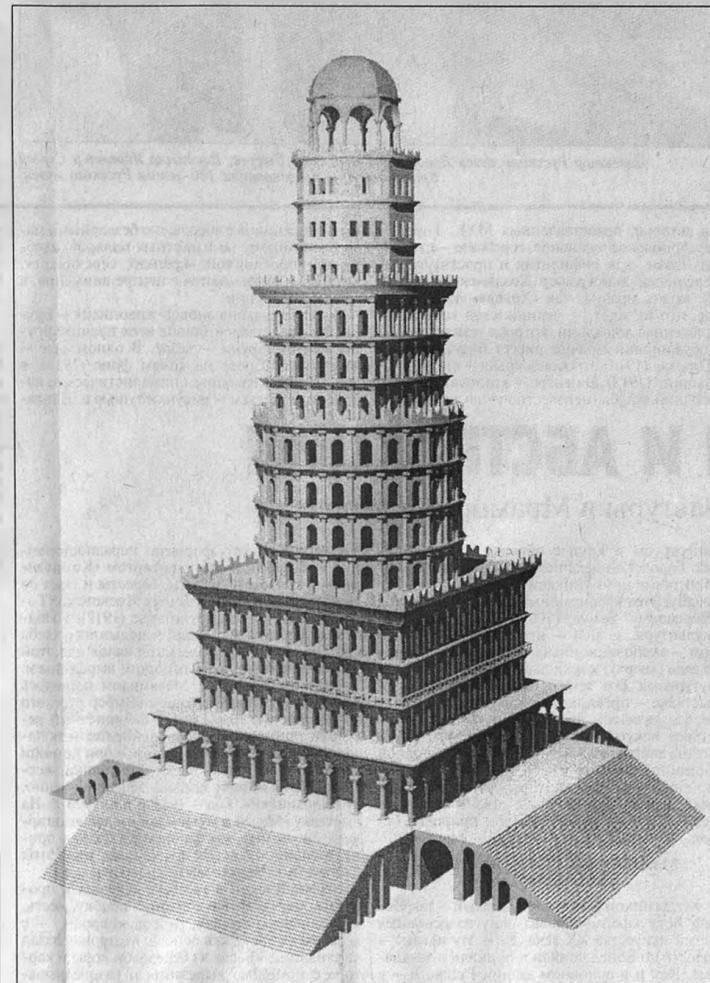
В предреволюционной России о трактате Филарете узнали поздно. В библиотеке Эрмитажа был обнаружен один экземпляр латинского переложения. Затем были известные события. Позже о переводе и его издании мечтал замечательный историк Б. Михайлов, но, начиная с хрущевской «борьбы с излишествами в архитектуре», на такие «бесполезные» вещи был наложен запрет. Я грезил о переводе со времени работы над книгой об Аристотеле Фьораванти, изданной более десяти лет назад. Наконец, благодаря помощи Института Кеннана и библиотеки Фолджер в Вашингтоне удалось собрать все версии текста, фрагмент которого публикуется здесь.

Опорой для перевода служил английский, но в ряде случаев приходилось напряженно разбираться и с латынью, и с оригиналом.

Увы, ни одного авторского рисунка не уцелело до наших дней, тогда как переписчик, искусством перспективы еще не овладев, не все понимал и не все умел воспроизвести. Для того чтобы размах архитектурных замыслов Филарете стал яснее, мы рискнули сделать несколько заведомо спорных компьютерных реконструкций, отталкиваясь прежде всего от текста, уяснение которого местами сопряжено с тем большими трудностями, что автор надиктовывал книги трактата, не пожелав или не успев всерьез озаботиться последующей редакторской правкой.

Сейчас среди московских архитекторов ведется сбор пожертвований на то, чтобы ввести книгу Филарете в отечественную культуру, издав трактат в достойном его формате и качестве. Надеюсь, это удастся осуществить еще в этом году.

Вячеслав ГЛАЗЫЧЕВ, доктор искусствоведения, профессор Московского архитектурного института

Главная башня цитадели Сфорцинды (компьютерная графика Т.Ильиной).

«Я прикажу распорядиться так, чтобы не могло случиться никакого бунта. Я призову моих воинов, чтобы они отделили мастеров от рабочих. Для того, чтобы не возникло никаких поводов для слухов или ошибок, я приставлю к каждому надсмотрщику десять всадников и полсотни пехотинцев. Команды будут следовать одна за другой в линии и в порядке; прочие воины будут стоять несколько в стороне. Я хочу, чтобы те надсмотрщики, каким надлежит работать с таким множеством в течение восьми или десяти дней, были людьми с безукоризненной репутацией. Затем я хочу, чтобы была процессия, в которой будут епископ и придворные, недавно прибывшие сюда, и моя жена вместе с моими сыновьями. Процессия начнется с того самого места, куда будут помещены в фундамент те предметы, о которых ты говорил, и проследует до того места, где должен быть уложен первый камень. Здесь Монсиньор благословит и камень, и место, и весь участок. Затем с помощью Создателя и к его славе и чести мы построим город, так что Он будет его опорой и защитой и поможет ему простоять долгое время. Но сначала нам нужно, чтобы отрыли фундаменты».

«Нет, так как сразу после благословения Ваша Милость возьмет лопату и отрет первые три раза. Затем Ваши сыновья, начиная со старшего и завершая младшим, сделают то же три раза. Когда это свершится, мы совершим трапезу вместе с епископом как акт благотворительности, чтобы между людьми, которые населят город, были любовь и взаимопомощь. Таким образом будет отрыто достаточно, чтобы Ваша Милость и епископ могли уложить камень и прочие вещи. Затем заполнят фундамент стены до уровня земли. В этот день ничего более не будет делаться, кроме как продолжать отрывать под фундаменты. После этого все смогут уехать, кроме тех, кому поручено исполнять названные работы».

«Ты говоришь, что на этой неделе хорошо начать нанимать мастеров и рабочих. Я должен написать, чтобы все они были здесь в означенный день».

«Это уже было сделано несколько дней назад. Распорядились, чтобы все прибыли в долину Инда днем раньше в назначенные места, каждый отряд на свое место, то есть у знака, который я вручил каждому надсмотрщику. Все эти знаки будут размещены внутри пределов нашего сооружения. Очертание постройки уже обозначено веревками, ворота и главные улицы также обозначены. Будет также необходимо, чтобы Ваша Милость направили воинов днем раньше и назвали каждый отряд к приписанной команде, как Ваша Милость скажете».

«В таком случае мы будем на месте утром в воскресенье».

«Ваша Милость, это необходимо, чтобы мы начали в добрый час».

В назначенное время, когда все приготовленное было на месте, мой господин, его достойная супруга, их сыновья и прочие родственники явились в установленном порядке, сопровождаемые множеством придворных и нотаблей. Все вместе, радостно и торжественно, они прибыли на назначенное место. Когда они увидели местность и участок, то и мой господин, и все с ним чрезвычайно возрадовались. К середине третьего часа утра епископ и его священники положили к месту, где находились все те предметы, какие надлежало поместить в фундамент. Здесь началась процессия в добром порядке и с торжественными песнопениями, она двигалась в облачениях и украшенная, как если бы то происходило в городе. Это происходило так: впереди шествовал епископ, облаченный в епископальные одежды, рядом с ним мой господин с его свитой, затем восемь благородных персон и я вместе с ними, по двое, каждый с выше-названными вещами в руках, что с одной, кто с другой. Я нес сусло с крутой, в котором было также и зерно. Другие несли то, что приказал им мой господин.

Когда они прибыли на означенное место, то епископ и другие священники исполнили торжественный обряд, соответствующий такому деянию, и благословили камень и участок и все окрест. С большой торжественностью, при музыке и песнопениях все вещи были помещены на место. После того как это было сделано, епископ первым совершил три копка лопатой в честь Троицы. Затем он сказал моему господину, что тот должен сделать свою долю, вознив лопату в место, где ему надлежало копать. Он это совершил, равно как и все остальные, принимавшие участие в этом начальном акте. Всякий трижды вонзал лопату в землю сообразно Святой Троицы, во имя Отца и Сына и Святого Духа и в честь Троицы. Так распорядился Папа, и так это было совершено. Он и господин мой копали трижды, произнося *in nomine patris et filii et spiritus sancti*. То был также и символ троичности времен — прошедшего, настоящего и будущего. После того как это свершилось, мы ели вместе и по очереди, совершая тем самым акт любви и милосердия. К тому времени уже так много отрыли в означенном месте, что когда обел был закончен, яма под фундамент была хороша и достаточно глубока.

Во время работы один из землекопов увидел рядом дыру. Своей лопатой он приподнял большой кусок земли и обнаружил пещерку, в которой свернулась клубком большая и красивая змея. Он очень ее испугался, а змея, видя себя обнаруженной, а дом свой разрушенным, внезапно подняла голову и гневно поползла с этого места, подняв голову столь высоко, что, казалось, на два брочко (локтя. — В.Г.) от земли. Она направилась к центру нашего круга. Все смотрели,

Рисунок из манускрипта Филарете

как она ползет. Некто побежал, чтобы убить ее. Он ударил ее палкой, и если бы попал, то, несомненно, убил ее, но концом палки лишь нанес скользящий удар. Почувствовав прикосновение, змея набросилась на него с такой скоростью, что мы не могли прийти к нему на помощь. Змея обвилась вокруг его шеи и сдвинула так сильно, что убила его. Сделав это, она в один миг соскользнула с его шеи и продолжила путь. Мы хотели бежать убить ее. Когда мой господин увидел это предзнаменование, он приказал, чтобы никто не смел нападать на нее. Она не угрожала никому и не задела никого внутри нашего города, «очерченного шнуром». Она приползла к центру, где была обозначена площадь. По счастливому случаю почти в центре, или рядом с серединой площади, рос большой лавр, а на одной с ним линии, но ближе к началу площади — рослый старый дуб с пустым стволом. Она не заинтересовалась им и устремилась прямо к лавру. Пчелиный рой клубился над вершиной этого лавра. Все смотревшие были наполовину потрясены этим событием. Мой господин молвил: «Несомненно, что это предзнаменование великой важности».

После обеда все необходимое было подготовлено согласно указаниям астролога, который также был здесь. «Он заверил», что это был наилучший час для укладки первого камня. Мой господин и священники взяли камень и уложили его в фундамент.

Орел в этот миг появился над нами, и он кружил и глядел на нас, как будто искал добычу. Это вызвало немало восхищение. Первый камень был уложен. Мраморный блок был помещен на этом камне, и я расставил вокруг него сосуды, полные вина, масла, молока, меда и воды. Мы расставили их вокруг камня. Терракотовый сосуд с мукой я поставил на верх лавры. Все эти вещи, бронзовая книга и прочие были затем помещены внутри лавры. Мой господин и я сопровождали поднялись из раскопа, и я замуровал его и затем сровнял с уровнем земли. Таким образом малая часть фундамента была сделана. Прочие земляные работы, разделенные на части, были организованы так, что все было отрыто полностью в этот день. Там было 102 000 мастеров и рабочих, не считая многих других, кто явился помочь...

Перевод, примечания и публикация Вячеслава ГЛАЗЫЧЕВА

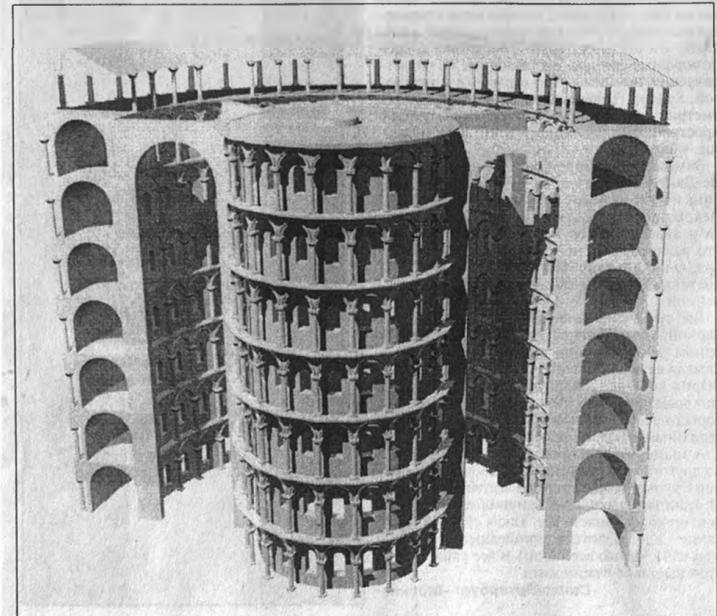
Примечания

1 С книгой, но уже золотой, мы еще встретимся позже: неизвестно, чья ли это фантазия или у этого образа есть прототип в виде серии гравированных таблиц, до нас не дошедшей. С важными для Филарете категориями Добродетели и Порока нам также предстоит встреча в Сфорцинде.

2 Как и в иных случаях, «друг» — это сам Филарете, которого в 1445 году или около того обвинили в попытке вскрыть голову Иоанна Крестителя из церкви Сан-Сильвестро в Риме и, по-видимому, держали под стражей, но позже выпустили. Письмо, написанное во Флоренции в 1449 году, содержало инструкции для флорентийского представителя при папском престоле о сильных выражениях: ходатайствовать о помиловании Филарете, с тем чтобы он мог вернуться в Рим и закончить скульптурное надгробие кардинала Португалии Мартинеза де Шавез. В 1411 году флорентийцы пытались задорого купить эту реликвию в период двоевластия, что было предотвращено горожанами Вечного города. Не исключено, что попытка вскрыть святыню была предпринята, и флорентинец Филарете мог быть как-то в это замешан. Так или иначе, прощение не было дано, и Филарете очутился в Милане.

3 Три Мойры в греческой мифологии: Клото прядет нить судьбы человека, Лахесис раздает судьбы, Атропос в назначенный час обрывает нить человеческой жизни.

4 Объяснения этому и другим знакам даны уже в шестой книге.

Центральное ядро Дома Добродетели и Порока (компьютерная графика Т.Ильиной).

Церковь на торговой площади (компьютерная графика В.Глазыхева).